Несколькими штрихами Нестор мастерски описал наружность матери, вполне соответствующую главной черте ее нрава: «бе бо телом крепка и сильна яко и муж; аще бо кто не видевь ея и слышав ю беседующу к нему, то мнев ю мужа суща» (стр. 24). Заметив склонность сына отказываться от «одежды светлой», от «игр со сверстьникы», трудиться «с всякым смирением», она сначала запрещает ему это, «молит» жить по ее правилам, потом, «от великия ярости» разгневавшись, сама бьет его. Нагнав «странных», с которыми юноша ушел из дому, мать «от ярости же и гнева многа имъши за власы и повръже его на землю и своима попираше ногама» (стр. 25). Дома она опять бьет сына, «дондеже изнеможе» (там же). Нестор показывает, как от жестоких наказаний («възложи на нозе его железа тяжка») мать «умилосердившися» переходит снова к мольбам, уверяет сына, что своим поведением он «укоризну» наносит «на род свой» (стр. 26).

Нестор не слышал то угрожающих, то умоляющих обращений матери к Феодосию, не был свидетелем приступов ее «ярости» — все это «воображаемые картины», и воссозданы они для того, чтобы оттенить непоколебимость юноши. Пусть в этих картинах есть какая-то доля преувеличения, но оно художественно оправдано стремлением автора поднять образ святого. Само же изображение матери, уверенной, что она из любви к сыну и из желания ему добра противодействует «овогда ласканием, овогда грозою» его наклонностям, жизненно правдиво, реалистично. И этой художественной убедительности не снижает то, что Нестор напоминает о ненавидящем «добра враге» — дьяволе, который, «видя себе побеждаема смирением» Феодосия, поднимает на него гонения матери. Так в рассказе Нестора рядом живут два способа изображения участников событий: господствует идеализирующий, преувеличивающий святость Феодосия и «ярость» его матери, и прорывается воспроизводящий творческим воображением автора «правду жизни», возвращающий читателя с высот христианского идеала к действительности.

Немало примеров художественно правдивых зарисовок сохранили нам и отдельные рассказы Киево-Печерского патерика. Б. А. Романов дал краткую, но вполне точную характеристику внутренней противоречивости самого изложения этого памятника: «Правда, „Патерик" рассказывает о чудесах божиих и подвигах своих иноков с тем, чтобы поучать и поднять читателя выше его обыденного, среднего уровня. Но мимоходом, невзначай, и бытописует, даже рисует характеры».[22] Вот в этом «невзначай» и отражаются реалистические тенденции рассказчика, который хоть и не создает еще цельных характеров, однако умеет описать художественно правдиво отдельные психологические состояния, отдельные черты «нрава» человека. Приведу наиболее, на мой взгляд, яркий пример реалистического изображения человека в Киево-Печерском патерике — образ красавицы-вдовы в «слове 30 о преподобнем Моисии Угрине» (стр. 142—149).

Моисей Угрин, «крепок телом и красен лицем», — идеал целомудрия; захваченный в плен войсками Болеслава и приведенный в «Лядскую землю», он своей красотой зажег здесь страсть «въжделения» в сердце красавицы-вдовы, юной, богатой и знатной («имущи богатьство много и власть велию»). Автор воссоздает диалоги «жены», предлагающей Моисею свободу и свои богатства за любовь, и юноши, который на ее «лестные словеса» отвечает обличением ее «въжделения сквернаго». Страстным речам влюбленной «жены», готовой все отдать («не могу бо терпети красоты твоея, без ума погубляемы, да и сердечный пламень престанеть, по-

[22] Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 204.